

Копипаста: Два фунта навоза — Lurkmore

Как я был присяжным заседателем в американском суде

С тех пор, как я впервые убил целый день на судебном журенья а Америке, меня туда больше калачом не заманишь. Я стал относиться к этому, как к выборам в Совке - официальное мероприятие для обмана трудящейся массы. Но тогда, свежее испечённый Гражданин США, я был горд как петух тем, что моя новая страна доверила мне такое ответственное поручение...

Я гордо показал строгую ("за неявку без уважительной причины, суд может Вас оштрафовать на сумму до 10,000 уе или подвергнуть заключению на срок до 3 месяцев или применить оба наказания") повестку на работе и узнал, что моя контора заплатит мне среднюю зарплату, а суд ещё сверх того сам должен заплатить аж целых 15 уев (думаю, сумма эта не изменилась со времён самого Вашингтона. 15 уев - сущие пустяки по сравнению с тем, что дерут сами адвокаты, а ведь решать-то будет именно жюри. Тут во мне и зародились первые подозрения в разумности судебной системы США.

Мои коллеги находили забавным, что вчерашний иностранец говорящий с акцентом и полный предрассудков своей бывшей Родины - нелюбви к гомикам, нетерпимости к комуныкам, неверия сопливым левакам, предпочтения крутых мер и тому подобных крайностей, вдруг получил право судить природных американцев. Во время ланча, босс, зная о моих радикальных взглядах, пошутил, что теперь в нашем графстве нельзя превышать пределы скорости - за все преступления будет одно наказание - смертная казнь.

В окружной суд я явился к 8 утра. В те годы там ещё не было металлодетекторов и никого не обыскивали при входе, как в аэропортах. Как всегда беспричинно веселые, жирные негры, увешанные сверкающими на солнце полицейскими медяшками и нашивками, удивленно переглянулись, услышав мой акцент и завидев мою журильную бумажку в руках, но радостно показали мне своими лакированными боевыми дубинками на застеклённое окошко, куда я её и сунул. Строгая белая старушка из этого окошка, проверив пластиковую карточку с моей водительской лицензией, выдала мне круглый зелёный значок "Член Жюри" и брошюрку, в которой объяснялись мои обязанности, потребовала нацепить значок немедленно и приказала идти в журильную судью Смита на второй этаж. Когда я туда вошел, оказалось, что маленькая, как докторская приёмная, жаркая, душная комнатка уже набита битком, все 12 дешёвых, синего пластика стульев заняты и ещё столько же людей стоят, подпирая стенки. Я знал из кино, что для жюри надо 12 человек, а там уже было человек 25 - перебор, но подумал, что наверное, тут поместили 2 разных жюри. Хотя, зачем одному судье два разных жюри на один день? В комнате, кроме стульев на стене висел плохо работающий цветной телевизор, показывавший мыльную оперу и была машина для кофе, но воды и еды не было.

Я решил сходить в туалет, но стоило мне выйти из комнатки, как сидевший у двери снаружи негр-шериф вдруг схватил меня за руку и потребовал вернуться. Я ещё не прочел той брошюрки и не знал, что членам жюри не положено покидать журильни без разрешения судьи (чтобы на них не могли дурно повлиять в кулуаре пособники урока - запугать или дать взятку), что судья имеет право их "секвестровать" (не разрешать уезжать домой, и поселить в отеле без доступа к газетам, радио и телевизору, если решение затягивается), и что вопросы туалета, еды и питья для членов жюри решаются, как в армии, по приказу свыше. Поэтому я резко вырвал свою руку из руки негра и сказал ему, что я не арестант, а свободный, чёрт побери, гражданин. Он белозубо рассмеялся, наверное, все новые, неопытные журята ведут себя подобным образом, и спросил: "Вам уже объяснили ваши обязанности?". "Пока нет". "Ну, тогда идите в туалет, но только быстро, а то может прийти (тут я не разобрал слова, кажется "сержант") и Вам не подпишут повестку, а могут и оштрафовать". Я понял, что журенья - не сахар, посылал по-армейски, быстро, но руки все-же помыл, нефига, тут свободная страна.

Когда я возвращался в журильную, негр-привратник махал мне руками и делал испуганное лицо, видать его сержант таки явился. Но я не побежал, а прошел шагом, делая важное государственное лицо при исполнении.

В журильне шла переключка. Её проводила огромная, серьезная негра с грубым мужским голосом и выдающимся задом. Увидев меня, негра прервала сама себя, выдержала драматическую паузу, пока я пробирался к стоячему месту возле моего портфеля, и спросила, глядя на меня, нарочито громко: "Вы знаете, что опоздали?" Я сделал вид, что ко мне этот вопрос не относится. Но негра не отставала: "Назовите мне Ваше имя!" Я назвал. Она остолбенела, открыв широкий рот, услышав мой акцент и, как это всегда бывает с неграми, не поняла, что я произнёс, и попросила повторить. Я медленно повторил. Она опять не поняла и приняла мудрое решение - продолжить переключку.

Природа дала неграм много здравого смысла, поэтому они преследуют конкретные, разумные цели, и не страдают от расточительной мстительности.

Когда дошла очередь до моего имени, я откликнулся, негра мельком оглядела меня с ног до головы, и проскочила к следующему. Закончив переключку, она сказала, что до 12 часов решится вопрос, нужно ли вообще будет наше жюри. Есть шанс, что обвиняемый согласится на суд одним только судьёй, без жюри, и тогда нас распустят, отметив ЦЕЛЫЙ ДЕНЬ журенья. Народ радостно заулыбался, а я удивился, впервые

лично присутствуя при случае пусть мелкой, но коррупции американской системы.

Негра потребовала, чтобы мы использовали свободное время, не выходя из жюриной комнаты, милостиво разрешив выходить лишь в туалет. На её дежурный вопрос: "Есть ли вопросы?", я спросил:

- "А дополнительных стульев вы нам не собираетесь дать? И почему тут у вас так жарко?"

Негра, сделав удивленное лицо, будто впервые заметив стоящих людей, сказала:

- "А куда же мы их поставим?"

- "В коридор, например".

- "Туда не положено"

- "А стоять нам 4 часа положено? Мы же тут не преступники!"

Мои товарищи-журилы одобрительно заулыбались, загудели и закивали.

- "Мы что-нибудь придумаем" - наврала негра и умотала, как оказалось, с концами.

Не ожидая от негров по опыту ничего позитивного, я сразу вышел в коридор, кивнул охраннику, который уже не пытался хватать меня руками и лишь закатил свои глазки, сел прямо напротив него на широкий мраморный подоконник и начал читать брошюру о журеньи. Время от времени двери жюриной открывались, высовывались головы дисциплинированных аборигенов, хватали глоток кислорода и исчезали в своей Сахаре. Американцы на диво законопослушны. Через полчаса температура в жюриной перевалила за 120 по Фаренгейту и не выдержали дамы. Одна за другой они покинули этот газенваген и, обмахиваясь журильными брошюрами, стали рассаживаться как птички на подоконниках, за дамами потянулись старики. Журильня опустела...

Я углубился в чтение, как вдруг на меня пахнуло женскими духами, подняв голову, я увидел перед собою приветливо улыбающуюся, элегантную, сорокалетнюю, одетую со вкусом, начинающую сесть брюнетку, в сером шерстяном платье, жемчужных маленьких серьгах с маленькой сумочкой из серой замши. Я подвинулся и предложил ей сесть рядом, она протянула руку и представилась, мы разговорились. Мэри оказалась женой владельца маленькой, но известной в наших краях сети аптек. Заметив, что я с интересом читал жюриную брошюру, она предложила рассказать мне о журеньи, ибо уже имела такой опыт.

Я обожаю слушать красивых женщин, о чём бы они не вешали, раздражение некоторых мужчин на женские благоглупости я объясняю просто мужской невоспитанностью и нетерпеливостью. Те же самые мужчины могут молча трахать красавицу, как бы глупо это ни выглядело со стороны, значит дело тут не в её глупости, а в недостатке его культуры. Совсем не обязательно даже слушать всё то, что болтает дама, можно просто наслаждаться самим её присутствием, как японец наслаждается своей сакурой. Наблюдать за тем, как движутся её руки, как она поправляет причёску, закуривает, глотает, как движется вино в её горле, слушать тембр её голоса, обонять...

Итак, вот что я узнал - обычно в жюри вызывают раз в 5 лет. И даже если гражданину не довелось журиль, но он просто явился, его лет 5 трогать не будут. Строгости в журильне заведены потому, что журиль могут разбежаться, сорвав всё это дорогое шоу, и в старину оно так частенько и случалось. Ведь суд присяжных был изобретен пунктуальными аристократами для самих себя, и лишь позднее стал достоянием недисциплинированного охлоса. Тут аналогия между профессиональными воинами - хорошо оплачиваемой княжеской дружиной, в которую ещё и не всякого вояку возьмут, и насильственным призывом, куда загоняют палками всякого годного к строевой и откуда дезертируют при первой возможности. Вот почему в жюри невозможно встретить бизнесменов, врачей, адвокатов, зато полно люмпенов, домохозяек и безработных.

Открутиться от журенья можно элементарно: достаточно сказать больным, занятым, плохо понимающим английский, принципиальным противником тюремного заключения, или просто заявить, что религиозные убеждения мешают вам судить других людей.

А зазвали нас вдвое больше, чтобы прокурор и адвокат могли сделать выбор из званных. Вот главное, остальное детали, как себя вести, если тебя отберут журиль. Нельзя вести записи (почему?!), нельзя фотографировать (это понятно), нельзя болтать, дремать, читать, вязать, задавать вопросы можно только судье в письменном виде и т.п.

Я спросил Мэри: "А зачем Вы сами сюда явились, раз так об этом думаете?" Оказалось, что она не работает и от скуки изучает мастерство писательницы, посещает литературные классы в местном колледже и, получив очередную повестку, решила пойти пожуриль и набраться свежих впечатлений для своего курсового проекта - новеллы.

После рассказа Мэри моё отношение к журенью резко переменялось. Я вдруг почувствовал себя лохом, явившимся по повестке в военкомат, чтобы "отдать патриотический долг". Вмиг мне стали понятны и смеху... чки коллег, которым я сообщил про своё журеньи, и подозрительно малоинтеллектуальные лица большинства явившихся по повесткам. Стало как-то скучно, тесно и потянуло на свободу.

Тут вдруг опять появилась негра-сержантка, загнала всех журил обратно в журильню, ставшую жаровней, и объявила, что у них поломался кондиционер в этом крыле здания и поэтому будет очень жарко. Однако, добрый судья разрешил журилам посидеть в холле, в виде исключения. Эта дура не заметила, что мы и так все уже там сидели. Кого они туда только ни нанимают работать!

Наконец наступил полдень и нам разрешили пойти поесть. Мэри и я поехали в соседний арабский ресторанчик и хорошо там провели часок. Опять поболтали о жури. Я высказал предположение, что изучение правительством (а судья - член судебной ветви Правительства США) реакции жури на преступление аналогично испытанию нового лекарства на живых людях. При этом жури для чистоты эксперимента содержат в клетках, как крыс или морских свинок, чтобы они не разбежались и не испортили статистику. Мэри рассмеялась и согласилась, сказав, что включит эту идею в свою новеллу. Она рассказала о случаях, когда в старину, судья мог держать жури в холодной и даже лишать пищи с целью ускорить принятие ими решений в нужном ему направлении.

Когда мы вернулись, было объявлено, что журить нам придётся дело о вооруженном ограблении - 2 негритенка 14 и 16 лет (наглые, но притворяющиеся тут испуганными, мордovorоты в крахмальных рубашках и свитерках, чтобы выглядеть помоложе, хотя и выглядели они на все 20) вломились ночью в дом к одинокой, немолодой учительнице и так запугали бедняжку ножом, что у той произошла психическая травма, она не могла несколько месяцев работать и лечилась.

Под наблюдением седого, спокойного судьи Смита в старомодных роговых очках, женщина-прокурор нашего городка в строгом деловом костюме и пара мужчин-адвокатов негритят (у каждого свой) поочередно задавали кандидатам в члены жури вопросы, стараясь угадать, как мы будем реагировать на некие стереотипы. Адвокаты старались отобрать в жури самых тупых либералов, которыми легко манипулировать, произнося готовые либеральные штампы, типа:

- "Мы же не хотим лишиться эту пацанву децтва?"

- "Как же их теперь судить, когда их в децтве били по головам?"

- "В данном преступлении виноваты не эти негритятки, а вся Система, во главе с Пентагоном."

Прокурорша поступала наоборот и старалась отобрать верующих и женщин, которые могли бы отождествить себя с жертвой. Каждая сторона могла отвести любого кандидата, если находилась тому объективная причина (типа - прошлая судимость, или факт, что кандидат был сам жертвой подобного преступления, или работником полиции и т.п. то есть не мог быть объективным). Без причины они могли тоже отвести любого, но так, чтобы в результате осталось 12 человек.

Дошла очередь и до меня. Прокурорше я понравился тем, что работал на правительство и был членом того же профсоюза, что и полиция. Однако, именно это не понравилось адвокатам. Их было двое - Желчный и Спокойный. Желчный откровенно провоцировал и травил кандидатов в жури, был нагл, развязен, хохотал собственным шуточкам, а Спокойный наблюдал за этим со стороны и делал записи.

Желчный быстро выяснил, что я был математиком, после чего с саркастической улыбкой повернулся к судье и заявил:

- "Из математиков никогда не выходит хороших членов жури, поскольку они всё видят контрастно - как белое или чёрное, без полутонов", затем он повернулся ко мне и нагло попросил подтвердить эту херь: "Не так ли?"

Я спросил: "Что именно не так?"

- "Математики видят только контрасты - чёрное и белое! Без полутонов!", утвердительно сказал Желчный, с ухмылкой большого умника, и кивнул вдобавок головой, давая мне визуальную подсказку, как надо было отвечать. Многие в ответ на такой кивок, совершенно автоматически немедленно кивнут в ответ, я был в классе "Язык Жестов", где учитель упоминал о такой инстинктивной реакции, и о том, как лица некоторых профессий - учителя, политики, гадалки и, разумеется, адвокаты обучаются технике провоцирования своих жертв на подобные жесты. Поэтому я остался невозмутим.

- "Неверно. В математике есть разделы, занимающиеся и полутонами."

- "Какие же именно?", все ещё нагло ухмыляясь, спросил Желчный.

- "Например, Теория Вероятностей, когда не зная точного исхода события, можно подсчитать его вероятность."

- "Это не подходит для юриспруденции!", победительно закатив глазки и закинув назад свою чёрно-кудрявую голову так, что длинный его нос оказался выше узкого лба, заявил Желчный, - "Вам придется выносить своё суждение за пределами разумного сомнения." Он резко, по-куриному клюнул головой в моём направлении, и распахнув глазёнки весело оглядел всех, как младенец, после сна.

- "Как это не подходит, когда на ней построена вся судебная статистика?"

- "Судебная статистика не применяется в зале суда!", отрезал Желчный.

Прокурорше и судье наш диалог явно доставлял удовольствие, они переглядывались и усмехались.

- "Странно, а я читал, что именно криминальная статистика применяется судьями, когда те выносят решения о длительности срока заключения, чтобы не забивать переполненные тюрьмы мелкими нарушителями".

- "Это другое, я имел в виду, статистика не используется адвокатами и членами жюри!", стал юлить Желчный.

- "А как же быть со статистикой жертв курения, которую активно используют адвокаты, тяготящиеся с табачными корпорациями?", спросил я.

- "Ладно, оставим статистику, я говорил о логике!", как ни в чем не бывало, опытный сутяга метнулся к другой теме.

- "ОК, в математике есть раздел 'Нечеткая Логика', предназначенный именно для таких ситуаций."

- "Что это такое? Мы об этом никогда не слышали", с возродившейся из пепла иронией заявил Желчный от лица "всех".

Я с детства не люблю, когда какая-нибудь фря говорит со мною "от лица всего народа". Надо сказать, что в Америке такое встречается намного реже, чем в Совке, и присуще в основном политически долбанутым левакам. На меня такие заявки действуют, как красная тряпка на быка. И я решил дать ему пример Нечёткой Логики, заимствованный из старой суфийской притчи.

- "Я вам объясню на примере. Представим, что мы (я намеренно употребил это ненавистное местоимение) взяли два паунда навоза (я воспользовался словом 'manure', а не 'shit') - один паунд Вы, а другой - я", сделав паузу, я заметил, как судья с трудом подавил смешок. Посмотрев на Желчного, я дождался, чтобы он утвердительно кивнул, соглашаясь довести данный мысленный эксперимент до конца. Лыбиться он опять перестал.

- "Теперь если мы смешаем наши субстанции, то что мы получим?", задал я ему вопрос. В зале раздались смешки. Желчный возмущенно развел руками и беспомощно взглянул на судью. Судья старался держать каменное лицо, давясь от смеха. Даже негритята до сих пор со скукой глазевшие в потолок, вдруг проявили интерес к происходящему, реагируя на слово 'навоз'. Тогда Желчный вперился в меня, но я молчал, как рыба.

- "Ну, мы получим 2 паунда навоза в одном горшке, я думаю?", как-то неуверенно произнес адвокат.

- "Верно! А теперь изменим условия. Предположим, Вы попрежнему взяли паунд чистого навоза, а я взял паунд чистого меда. И мы их смешали. Что у нас получится?"

- "Ну, как бы Вы это не называли, я бы этого есть не стал", пытаюсь острить, сказал Желчный.

- "Правильно! Потому что у нас как и в первом случае будет 2 паунда навоза. Вот так и работает Нечеткая Логика."

Тут судья не выдержал и рассмеялся, а вместе с ним засмеялся шериф, стенографистка, прокурор, и все остальные.

- "Но именно это я и говорил, у вас всё - черное или белое - или навоз или мёд", вдруг ляпнул Желчный дрогнувшим голосом.

- "Не совсем, цель данного исследования - попытка установить путем тщательного анализа, при какой именно пропорции навоза с мёдом, смесь уже можно будет считать съедобной", сказал я с серьезным лицом.

Тут раздался повальный хохот в зале и судья, хохоча, постучал своим молотком по столу, призывая к тишине.

А теперь угадайте с трёх раз, выбрали ли меня в члены жюри?

Сергей Сечив

Читать ещё

- [Форд Фокус](#)